

ВЛАДИКАВКАЗ

от крепости к городу

Борис Бицоти

Владикавказ от крепости к городу

<https://litres.ru/73878079>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга рассказывает об истории Владикавказа периода Кавказской войны. Основанный как русская крепость и впоследствии, превратившись в город, Владикавказ играл значительную роль в формировании облика нового Кавказа, был ключевым пунктом в борьбе за контроль над всем регионом, вдохновлял своим видом ученых, поэтов и простых путешественников.

Содержание

Предисловие	4
Забытый форпост	12
Ахмет Дударов и дорога в Тифлис	34
Обитель аманатов	54
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Владикавказ от крепости к городу

Предисловие

Хорошо известный гостям и жителям исторический Владикавказ с его парком, центральным бульваром и особняками, являющимися сегодня объектами культурного и исторического наследия, несмотря на раннюю дату закладки, был спроектирован и отстроен лишь во второй половине XIX в. Бурному росту города, возникшему на месте старой крепости, способствовало, в том числе, и появление железнодорожной ветки, соединившей Северный, а впоследствии и Южный Кавказ с остальной территорией империи.

Этот старый Владикавказ попал в объектив первых фотолюбителей, благодаря чему мы помним его облик. Статистические данные отмечают развитие в городе торговли и зарождение промышленного производства. Открытие наравне со свинцом и серебром месторождений цинка в осетинских горах привело к буму металлургии и росту благосостояния населения города. Но как выглядел Владикавказ до эпохи промышленного переворота? Чем жили люди, десятилетиями населявшие крепость до ее превращения в город, и мо-

жем ли мы с большой долей вероятности воссоздать чety этой жизни?

Когда в 1861 г. крепости присваивался новый статус, этому предшествовал процесс изыскания и подготовки документов. Прежде чем выступить с инициативой о превращении Владикавказа в город, чиновники провели что-то вроде инвентаризации имущественного фонда крепости. Данные этой инвентаризации позволяют нам представить себе облик прежней твердыни времен Кавказской войны, обнесенной крепостной стеной для защиты от возможных нападений.

Вглядевшись в списки построек, мы увидим, что тот старый обнесенный крепостной стеной Владикавказ с гарнизонной церковью и гостевым домом, был почти целиком деревянным. На эту особенность обратил внимание швейцарский путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере, посетивший крепость в конце 30-х годов. В отличие от закавказских каменных городов, Владикавказ состоял из срубов, выполненных в русском стиле и был населен русскими военными и гражданскими. Второй по численности этнической группой жителей были осетины, чье компактное поселение возникло в крепости с самого момента ее основания.

Историк Кавказской войны В.А. Потто описывает владикавказское поселение следующим образом: «Самый Владикавказ, имевший важное стратегическое значение для края, был беден промышленностью, хотя и представлял собой

небольшой городок с правильно разбитыми улицами и с четырехтысячным смешанным населением русских и горцев»[42]. Именно этому деревянному городу-призраку, выросшему из крепости и навсегда ставшему достоянием истории, и посвящено мое исследование.

В данном очерке я попытался сосредоточиться на периоде, который не оказался в центре внимания авторов, писавших о Владикавказе, а именно на времени возникновения крепости и ее расширения и разрастания в ходе Кавказской войны. Именно с окончанием острейшей фазы последней и связано обретение Владикавказом нового статуса.

Оглянувшись назад, мы увидим, что путь к этому новому статусу был сложным и тернистым. Начать хотя бы с того, что крепость, спустя уже четыре года после ее основания пришлось разрушить и покинуть. Это случилось потому, что после объявления Турцией войны России над Владикавказом нависла угроза осады, и малочисленный гарнизон крепости уже не смог бы ее отстоять.

Российские войска вынуждены были разрушить Владикавказ и отойти почти на 200 километров назад к рубежам обороны у Моздока и Кизляра. Население осетинского форштадта крепости в этот период вынуждено было вернуться в родные горы. Лишь спустя пятнадцать лет российские власти смогли вдохнуть новую жизнь в оставленное укрепление. С этого момента и начинается полувековая история крепости, уцелевшей после осады времен Кавказской войны и ставшей

впоследствии городом.

Первый удар по русской твердыни планировал нанести первый имам Чечни и Дагестана Гази-Мухаммад, пытавшийся со своими мюридами взять штурмом и разграбить Владикавказ. Но местное население в массе своей не разделяло его идеи газавата - священной войны против русских, и крепость устояла.

Угроза, нависшая над крепостью в период подъема имамата после успехов войск третьего имама Чечни и Дагестана - Шамиля, стала причиной возведения вокруг нее основательных стен, способных выдержать продолжительную осаду. Следует иметь в виду, что войска имама на тот момент были сильны не только высоким моральным духом, но и находящейся у них на вооружении артиллерией.

После удачного наступления российских войск на Чечню и первых поражений сторонников имама Шамиля, российское влияние распространилось на всю территорию Чечни. Передовые позиции продвинулись вглубь имамата, и Владикавказ, оставшись далеко в тылу, перестал быть форпостом Кавказской войны. В крепости был устроен штаб армии, в котором принимались судьбоносные решения, касающиеся боевых действий как в Восточном, так и в Западном Кавказе.

В августе 1859 г. духовный лидер Северокавказского имамата был взят в плен в ходе гунибской операции. Война на Левом фланге Кавказской линии закончилась, и необходимость в наличии крепости, защищавшей Военно-Грузин-

скую дорогу от неприятеля, отпала. Но, при этом, мы видим, что проект превращения крепости в город, как красноречиво свидетельствует переписка чиновников, появился еще до падения имамата и прекращения военных действий на Восточном Кавказе.

К сожалению, процесс преобразования крепости в город стал причиной ликвидации осетинского поселения, находившегося практически в самом центре крепости. Неприглядный вид осетинского квартала, беднота и неустроенность его жителей компрометировали Владикавказ в глазах высокого начальства. Квартал был расселен - его жители были вынуждены переехать на новое место, отведенное им вблизи образованного города. Это переселение, как и массовый исход осетин в Турцию после поражения имамата, стало еще одной драматичной страницей в истории города.

Именно во Владикавказе произошло итоговое совещание, на котором фельдмаршал Барятинский сформулировал стратегию окончательного покорения горцев на Правом фланге Кавказской линии, и хотя до полной победы оставалось еще четыре года, Левый фланг все это время был территорией, на которой царили спокойствие и порядок.

Владикавказ, превратившись в 1861 г. в город, вступил в эпоху мирного труда и созидания на благо жителей нового административного образования - Терской области. В результате проведенной реформы город стал одновременно и областным, и окружным центром, долгие годы являясь глав-

ным городом, и Осетинского округа, и всей Терской области в целом. Если в 1858 году здесь проживало 2 342 человека, то в 1864 году число жителей утроилось и достигло 7 234 человек, а ещё через два года, в 1866 году численность обывателей Владикавказа составила уже 13 688 человек.

С этим резким преобразованием начался и путь Владикавказа к становлению не только административным, но и главным религиозным центром всего Северного Кавказа. Именно здесь впоследствии и будет находиться резиденция архипастыря всех православных христиан Терской области, армянская церковь, главный храм терских мусульман, католический собор и синагога.

Со временем город, возникший из крепости, начал превращаться в символ победы русского оружия в Кавказской войне. Именно в честь героев этой войны, генералов-наместников, покорявших Кавказ, впоследствии станут называть улицы Владикавказа. Так появились Воронцовская, Лорис-Меликовская, Евдокимовская, Вревская и другие.

О судьбе и быте крепости во времена Кавказской войны мы узнаем из различных источников. Это и акты Кавказской археографической комиссии, и исторические очерки коллектива историков, работавших над составлением Кавказского сборника и писавших по горячим следам историю покорения Кавказа, и мемуары офицеров и генералов - непосредственных участников Кавказской войны. Именно на последний вид источников я решил опереться в первую очередь.

Авторы, принимавшие участие в боевых действиях, возможно, не так красиво, как профессиональные историки, излагают свои мысли. Они также могут упускать из вида ряд важных деталей. Но их записки позволяют почувствовать колорит эпохи. Такие авторы как Богуславский, Зиссерман, Ольшевский, Кундухов, Пирогов, на мой взгляд, в большей степени передают дух Кавказской войны, позволяют лучше понять причины принимаемых в то время решений.

Особо хотелось бы выделить здесь мемуары М.А. Кундухова. Оказавшись фактически в вынужденной эмиграции, Кундухов имел возможность излагать события пережитой им эпохи без оглядки на политическую конъюнктуру и социальный заказ. Он писал свои мемуары не для начальства, а для потомков, и у нас впервые за долгое время есть возможность взвесить и объективно оценить его свидетельства. Они позволяют пролить свет на многие необъясненные события, уточнить причинно следственную связь между различными явлениями и отдельными эпизодами из истории Владикавказа в период Кавказской войны, узнать подноготную принимаемых в сложных боевых условиях решений.

О Владикавказе сказано и написано немало. Если дореволюционные статьи и очерки были посвящены, в первую очередь, Владикавказу - городу славы русского оружия, то авторов советского периода интересовала в большей степени экономическая сторона жизни города и его населения. И тот и другой подход, безусловно, является продуктивным, поз-

воляет лучше представить себе события минувших эпох.

Данный же очерк затрагивает вопросы, часто вызывающие затруднения у исследователей прошлого Владикавказа. Ответы на эти вопросы, по моему мнению, следует искать в периоде становления Владикавказа как крепости, т. е. во временном отрезке с конца XVIII до середины XIX в., когда закладывался и формировался фундамент будущего города. Для понимания сути процессов, происходивших вокруг Владикавказа необходимо посмотреть на историю города в более широком контексте, привлекая к анализу события имевшие общекавказское, а иногда и общероссийское значение, которые так или иначе влияли на принятие решений, касающихся крепости, а впоследствии и города.

Забытый форпост

В 1793 г. академик российской академии наук Петр Симон Палас отправляется в путешествие по южным провинциям Российской империи. Доехав до Георгиевска, являвшегося на тот момент главным городом Кавказского наместничества, ученый поворачивает направо и направляется в Крым, окончательно присоединенный согласно Ясскому мирному договору к Российской империи. Георгиевск, таким образом, становится самой южной точкой его маршрута, после которой экспедиция Паласа поворачивает на запад и начинает двигаться в обратном направлении.

Этот поворот выглядит довольно странным в свете научно-исследовательской миссии ученого. Ведь двадцатью годами ранее путешествовавший этим же маршрутом подчиненный Паласа И. Гильденштедт, никуда не сворачивая, продолжил свой путь далее к Кавказским горам и даже побывал в Грузии в гостях у Картли-Кахетинского царя Ираклия. В ходе своей поездки Гильденштедт, среди прочего, впервые собрал образцы осетинского языка и первым сформулировал теорию иранского происхождения этого нового для Российской империи народа. Почему же академику Паласу не проверить эти сведения и лично не убедиться в верности выводов Гильденштедта? Увы, ученый вместо этого, в сво-

ем очерке о путешествии приводит лишь краткое описание народа дигорцев и снабжает его следующим комментарием: «Мне нечего добавить к сообщениям Гильденштедта о других осетинских племенах» [38].

Что же помешало ученому, находившемуся у самых границ земель осетин, продолжить свое путешествие и, соответственно, дополнить и расширить свое описание? «Последний мир с Оттоманской Портой, - пишет Паллас, - ничего не уточняет о территориях восточнее и южнее Эльбруса и их населении, а стало быть, лишь закрепляет в составе России живущие там народы вплоть до Куры и Араратского нагорья» [61]. Здесь ученый ссылается на положения Ясско-го мира, заключенного в 1791 г. по результатам второй екатерининской войны с Турцией. Но почему же он воздерживается от путешествия в земли народов, по его словам, «закрепленных» в составе России? Почему академик, жаждущий новых открытий, не продолжает свое путешествие дальше, к самому подножью Кавказских гор, где десятью годами ранее по повелению российской императрицы была заложена крепость Владикавказ? Из указа от 9 мая 1785 г. на имя генерал-губернатора П. Потёмкина нам известно, что в построенной крепости была сооружена церковь Православного закона. Разве не является этот пункт назначения обязательным для посещения ученого, который берется обследовать границы державы императрицы Екатерины?

Ответ на этот вопрос следует искать между строк в ар-

живных документах и старых хрониках. Не все из того, что происходило вокруг Владикавказа, вписывается в принятую придворными историками концепцию победоносного продвижения Российской империи на Кавказ. Дело в том, что Владикавказа на момент прибытия Паласа в Георгиевск уже не существовало. С началом второй русско-турецкой войны он был оставлен и скрыт, и посещение его петербургским академиком было просто невозможно. Более того, Владикавказ откроет свои ворота проезжающим не ранее чем через десять лет после приезда Паласа, в царствование внука Екатерины Великой императора Александра I, когда крепость по-настоящему вновь оживет.

Как получилось, что Владикавказ пришлось оставить? Ведь вместе с Владикавказом были скрыты и остальные укрепления: редуты Потемкинский, Григоропосилсский, Камбелеевский. Неужели на планах по покорению Кавказа, о чем свидетельствовало амбициозное название новой фортификации, кто-то посмел поставить крест? Первые историографы Кавказской войны, такие как В.А. Потто, А. Берже, П.И. Ковалевский сосредоточили свое внимание на успехах русского оружия, поэтому тема оставления Владикавказа не получила должного отражения в их исторической литературе. И только историк П.Г. Бутков добросовестно сообщает нам о несчастье, постигшем Владикавказ. Чтобы понять причину принятого решения, необходимо восстановить хронологию событий, предшествовавших срыву владикавказско-

го укрепления и попробовать разобраться в обстоятельствах имевшего место отступления российских войск на моздокско-кизлярскую линию.

Следует отметить, что Владикавказ не первая крепость, которую русским пришлось срыть на Кавказе. Так, в 1735 г. таким же образом была срыта крепость Святого креста в Дагестане на правом берегу Терека, основанная Петром I, после того как его племянница Анна Иоановна передала завоеванные своим дядей земли Персии. Екатерина Великая, как известно, видела себя продолжателем политики Петра I и одним из пунктов ее повестки, несомненно, был возврат утраченных территорий и продолжение экспансии России на Кавказ. Почему же русским пришлось, успев лишь только построить Владикавказ, сразу его покинуть?

Если в войне 1768-1774 гг. поводом для конфликта стали события на европейском театре российско-турецкого противостояния, то в этот раз одной из причин разрушения мира было пребывание русских войск в Грузии, о недопустимости чего Турция не раз сигнализировала в своих дипломатических нотах. Именно активность Российской империи в Закавказье, как это отчетливо видно из переписки, была истолкована турецкой стороной как нарушение заключенного в 1774 г. по итогам первой войны и действовавшего на тот момент Кучук-Кайнарджийского мирного договора. Наряду с присоединением Крыма поводом для объявления войны стали противоречащие, на взгляд турецкого правительства, ду-

ху договора военные операции России в союзе с Картли-Кахетинским царем.

Первый опыт российско-грузинской антитурецкой коалиции, как известно, не был вполне удачным. Переход четырехтысячного корпуса Тотлебена через Кавказские горы в 1769 г. не имел того эффекта, на который рассчитывали в Санкт-Петербурге. Дело погрязло в интригах и ссорах, и, в итоге, Картли-Кахетинского царя Ираклия – тогдашнего союзника России глава внешнеполитического ведомства граф Панин фактически назвал нерукопожатным. При подписании мирного договора в 1774 г. Екатерина не стала брать Ираклия и его царство под свою защиту. В тексте трактата упомянута Имеретия, царь которой, Соломон I был более сговорчив и смог найти общий язык с российскими дипломатами и военными. Царство же Ираклия II в трактате не упоминалось, и никаких обязательств ни Российская ни Османская империя в отношении этого царства на себя не брали.

Почему спустя десятилетие, имея за плечами негативный опыт взаимоотношений, Россия вновь ввязывается в совместную с грузинским царем авантюру? Во-первых, существенно обновился кадровый состав российского правительства. Место графа Панина во внешнеполитическом ведомстве занял решительный граф Безбородко. Более активную роль в государственной жизни стал играть князь Потемкин. Именно его внучатый брат, генерал-поручик П.С. Потемкин будет назначен Екатериной кавказским генерал-губернато-

ром, ведающим делами на землях «от Каспийского до Черного моря» [13]. Во-вторых, во внешнеполитическом курсе Российской империи произошли значительные изменения - присоединение Крыма и строительство черноморского флота, прочный союз с Австрией и нейтралитет Пруссии, создавали новые перспективы для России на Кавказе.

Инициатива царя Ираклия, изъявившего желание возобновить переговоры о вхождении единоверного царства в состав Российской империи, была одобрена. В 1782 г. он предложил сделать свое царство протекторатом Российской империи на условиях, на которых оно являлось протекторатом Персии. Ираклий согласился уплачивать подушную подать, делить доходы с добычи металлов, прислать к русскому двору своих аманатов и просил ввести в Тифлис четырехтысячный войсковой контингент. Российский императорский двор согласился на эти условия. В соответствии с подписанным в Георгиевске 24 июля 1783 г. трактатом, Россия должна была держать в Грузии 2 батальона пехоты и 4 пушки. С 3 ноября 1783 года 2 батальона егерей подполковника Мерлина и подполковника Квашнина-Самарина находились в Тифлисе. Уполномоченным при царе Ираклии был назначен полковник С.Д. Бурнашев.

С этой, уже второй за время правления Екатерины попыткой экспансии России в Закавказье и была связана закладка крепости, которая возникает на правом берегу Терека в 1784 г. К тому моменту на Тереке было уже четыре укрепления.

К строительству первого из них правительство приступило в 1782 г. Местом для него был избран Левый берег реки Терек недалеко от Татартупа. Работы закончились в 1783 г., а само укрепление было названо в честь нового генерал-губернатора Потёмкинским. В 1783 году на равнине были построены ещё три укрепления - Григориопольское, Елизаветинское и Кумбулеевское. Возведение пятого самого сильного из них которое должно было запереть вход в Дарьяльское ущелье было отложено до весны. «...при входе гор предписал я, - сообщает П.С. Потемкин, - основать крепость на назначенном по обозрению моему месте под именем Владикавказ». 6 мая 1784 года после торжественного молебствия с освещением при громе русских пушек заложено было последнее укрепление названное Владикавказом. "Весной 1784 г., - пишет историк П.Г. Бутков, - для сообщения Грузии с Моздоком основана у входа в Кавказские горы, в урочище Заур Владикавказская крепость" [13. Т.2, С. 131]. А годом позже российская императрица повелевает построить в нем православную церковь.

О том, что в 1784 г. крепость уже стояла, нам сообщает командированный в это время в Тифлис к царю Ираклию поручик Пишчевич. Участник описываемых событий А.С. Пишчевич впоследствии издал записки, в которых он, в частности, рассказывает о периоде его службы у П.С. Потемкина в качестве посыльного. В своих мемуарах он, в частности, пишет: «Г-н Потемкин отправил меня в разные отряды войск за

рекою Терекон расположенные, которых часть назначалась для его в Грузию препровождения, что выполняя велено было мне ожидать его в крепости Владикавказ, лежащей у самой подошвы гор» [40, С. 51]. Возле крепости, как сообщает историк Бутков, сразу же возникает осетинское поселение. «... нарочитое число осетинцов, - пишет Бутков, выйдя из гор, тут в окрестности и поселились, и обрабатывали пространные поля, вокруг Владикавказа впусте лежащая, и имели совершенный покой и тишину от соседей» [13. Т. 2, С. 166]. Потемкин также предписывает создать милицию из осетин и ингушей, которая бы несла службу во Владикавказе, но начавшаяся вскоре война срывает эти планы.

Почему российское правительство решилось на строительство крепости вблизи турецких границ? Каков был международный миропорядок в этой части Кавказа на момент закладки Владикавказа и подписания Георгиевского трактата в 1783 г.? В отечественной историографии принято датировать вступление северокавказских территорий в состав России 70-ми годами (1770 – Ингушетия, 1774 – Осетия). Но признавало ли такой взгляд на суверенитет северокавказских народов правительство Оттоманской Порты? Материалы дипломатической переписки заставляют сделать вывод об обратном: нет, не признавало. В действовавшем на тот момент межгосударственном соглашении из всех северокавказских территорий была упомянута только Кабарда.

Согласно Константинопольскому договору 1724 г. , под-

писанному еще Петром I, в сферу влияния Османской империи входили Картли (Тифлис), Эриванское ханство, Карабахское беглербегство (Гянджа, Берда, Карабах), Нахчивань, Шамахи, Тебриз и северо-иранские земли (Казвин) – именно те, территории, в которых российские эmissары со своим новым союзником Картли-Кахетиснским царем Ираклием начали активные боевые действия. И хотя Кучук-Кайнарджийский договор аннулировал все предшествующие трактаты, и объявлял обе Кабарды (Большую и Малую) находящимися в зависимости от Крымского ханства, память о былом влиянии на перечисленные территории в турецком правительстве, вероятно, была еще жива.

Согласно же договору с Крымским ханством, заключенным Россией в 1772 г. (Карасубазарский трактатом) Большая и Малая Кабарда были признаны подвластными России [2. Т.1, С. 89]. 9 февраля (29 января) 1773 г. этот договор, подписанный с князем В. М. Долгоруковым и генерал-поручиком Е. А. Щербининым, был ратифицирован императрицей Екатериной. Поскольку у России был действующий договор с крымским ханом, положения которого, подтверждались Кучук-Кайнарджийским трактатом, территорию Малой Кабарды, заканчивавшейся тогда у подножья кавказских гор, Екатерина могла считать, хоть и опосредованно, но российской.

Новое положение дел было доведено до сведения самих кабардинцев. В рапорте генерал-майора Медема императри-

це Екатерине сказано: «Артикулы Кайнарджийского трактата, до кабардинцев касающиеся, прочитаны в собрании всех кабардинских владельцев, кроме некоторых противной стороны, которые не явились. Владельцы Малой Кабарды и кумышского народа сим известием были обрадованы. Но Большой Кабарды владелец Хамурза Арсланбеков вызвался, что они не могут себя почитать подданными российскими до тех пор, пока не получают из Крыма подтверждения» [49].

О том, что в XVIII в. территория Малой Кабарды простиралась до самого подножья Кавказских гор, красноречиво свидетельствуют карты местности. На составленной в 1719 г. карте территория Кабарды простирается на левый берег Терека, а южная граница доходит до выхода реки из гор на равнину. На карте 1744 г. между Терекком и Урухом нанесено 20 поселений [7, С. 24]. Все эти поселения опустеют от последующей в начале XIX в. эпидемии чумы. Зараза будет завезена паломниками из Мекки, и принявшие ислам кабардинцы, таким образом, больше всех пострадают от эпидемии. Но на конец XVIII в. вся равнинная часть долины Терека, как мы видим, заселена именно малокабардинцами.

У входа в Дигорское ущелье находились владения кабардинских феодалов Мударовых, у входа в Куртатинское ущелье, где впоследствии возникло осетинское селение Дзуарикау, находилось владение под именем Барукино, которое принадлежало крупному кабардинскому феодалу Гиляхстанову. К западу от Барукино располагались феодаль-

ные владения Кубатей-кабак, Эльтюхов-кабак, Камбекуков-кабак, Тузуров-кабак и другие. Место закладки Владикавказ – это была, таким образом, без преувеличения крайняя точка (край Малой Кабарды), в которой строительство русской крепости можно было оправдать положениями Карасубазарского трактата и Кучук-Кайнарджийского договора. Экспансию же России далее в Закавказье положениями действующего с Турцией соглашения объяснить было уже невозможно.

Пишчевич рассказывает о прибытии генерал-поручика Потемкина в первых числах сентября, вместе с генерал-майором Самойловым во Владикавказ, откуда он планировал поездку в Тифлис на переговоры с царем Ираклием. «Семь дней, - пишет далее Пишчевич, - проводил сей военачальник в столице Грузии, в которое время ежедневно виделся с царем, и все переговоры клонились на пагубу сочеловеков нам и без того уже робких Турков» [40, С. 64]. Далее Пишчевич рассказывает о совместном российско-грузинском походе в земли лезгин в составе пятитысячной группировки войск, состоявшемся 30 сентября. В рапорте о сражении за Алазанью говорится о 200 убитых лезгинах [13. Т. 2, С. 158]. Пишчевич, однако, свидетельствует о том, что совместный рейд не принес желаемых результатов из-за разлития реки и затруднения переправы. Затем из его записок мы узнаем, что русский отряд, участвовавший в операции, возвращается на линию.

Переход из подданства Ирану в Подданство России имел для Ираклия свои преимущества. Помимо дорогих подарков, привезенных из Санкт-Петербурга, Ираклий получил гарантии сохранения на престоле своей династии, что в условиях конкуренции с другой династией играло для него важную роль. Заключая договор с Ираклием, направленный в первую очередь против Ирана, российское правительство недооценило реакцию Турции на этот новый союз. Почему же русские оставили Владикавказ? Или, другими словами, что заставило российские войска отступить так далеко? Почему нельзя было ограничиться лишь выводом войск из Грузии, оставив за собой оборонительные укрепления в предгорьях Кавказа?

Мы видим, что оставление Владикавказа не было следствием переуступки территории по договору, как это было в случае с крепостью Святого креста. В этом была военная необходимость. Историки характеризуют протест Турции и односторонний разрыв мирного договора, как неожиданный. Россия, как это видно из дипломатической переписки, к войне с Турцией не готовилась. Османская же империя активизировала деятельность своих эмиссаров на севере Кавказа задолго до летнего обмена дипломатическими нотами. С ведома турецкого правительства действовал ахалцикский паша, угрожая приграничным с Россией территориям. Другим турецким эмиссаром, пользовавшимся поддержкой Константинополя, был шейх Мансур, в 1785 г. начав-

ший проповедовать на Северном Кавказе газават – священную войну против русских и провозгласивший себя духовным лидером – имамом Северного Кавказа. Многие горцы, согласно свидетельству Пишчевича, последовали ему и восстали против россиян.

Посланный для захвата шейха Мансура и его соратников двухтысячный отряд под начальством полковника Де Пьерри 6 июля 1785 года потерпел при селении Алды сокрушительное поражение. «В сие время, - сообщает Пишчевич, - обстоятельства линии были весьма критические; победа совершенная, одержанная лжепророком над отрядом полковника Пьерия, ободрила горцев, отчего волнование в горах и ожесточение жителей оных доходили до чрезмерности против Россиян» [2. Т. 12, С. 1091]. В этот самый момент в Грузию, перейдя реку Алазани, со своими войсками из Дагестана вторгается Омар-хан аварский.

«Смятения, - пишет историк Бутков, - произведенные на севере Кавказа лжепророком Ушурмою (Шейхом Мансуром. – Б.Б.), воспламенили всю ту полосу, и сильное имели влияние на дерзость лезгинских владельцев и ахалцикского пашы» [13. Т. 2, С. 179]. Борьба с Шейхом Мансуром, по свидетельству Буткова, сковала на линии все подразделения, и Ираклию на его просьбу прислать в Грузию два дополнительных полка и пороху, пришлось ответить отказом. «При том, - продолжает Бутков, - от сих возмущений прервано было сообщение с Грузией и сие тем более беспокоило начальство,

что войска наши в Грузии не только оставались без помощи в случае нападения неприятельского, но и лишены самого нужного, не получая целый год ни жалования, ни амуниции» [13. Т. 2. С. 179].

Произошедшее с 30 октября по 2 ноября 1785 года близ татартупских развалин сражение, вошедшее в историю как Татартупское, отчасти вернуло авторитет российской власти – горцы, ведомые шейхом Мансуром, потерпели поражение и были вынуждены отступить. Но духовный лидер восстания был полон решимости продолжать свое дело.

В декабре того же года Ираклий просит П.С. Потемкина прислать 10 тысяч войска, но до весны российские войска в Грузию через горы перейти не могли. Потемкин отказывает Ираклию и в заемных деньгах, чтобы можно было нанять войска в Грузии. Ответная вылазка Омар-хана и лезгин из-за Алазани становится катастрофой – Грузия оказывается разоренной. В первые шесть месяцев 1786 г. на рынках Константинополя было продано около 3 200 грузин, захваченных лезгинами [64, С. 576].

Потемкин в ответ отправляет к Владикавказу лишь один батальон и приказывает привести в исправное состояние Военно-грузинскую дорогу. В самой Грузии на тот момент российских войск находится около 1 800 человек. Из переписки с ахалцикским пашой Ираклий узнает, что турецкий султан готов остановить вторжение дагестанцев, если Ираклий отошлет из Грузии российские войска и вернет из России своих

детей-аманатов Мариану и Антонию. Ираклий соглашается. Помимо детей в Грузию из России вскоре возвращается и грузинский посланник князь Чавчавадзе.

После того, как паша Ахалчика Сулейман с двадцатитысячным войском вышел навстречу шейху Мансуру [64, С. 581], Екатерина потребовала от турецкого правительства, чтобы он был наказан, но турки отказали российской императрице. 3 июля они передали посланнику Булгакову свой ответ. В дипломатической ноте говорилось, что ахалцикский паша не нарушил действующий договор, в отличие от русских, которые прислали войска царю Ираклию, чтобы в приграничных Турции Азербайджане и Дагестане сеять раздор и смуту. Это, на взгляд турецких дипломатов, противоречило условиям действующего Кучук-Кайнарджийского договора, предписывающего не предпринимать враждебных действий по отношению друг к другу [64, С. 584].

Царь Ираклий при таких обстоятельствах отправил посланника, не просто просить о посредничестве в переговорах с лезгинами, но предложил аманатов туркам в обмен на покровительство и признание себя как соседа. Ираклий, привыкший лавировать между тремя крупными державами, таким образом, как это часто бывало и ранее, фактически перешел на сторону геополитического противника России. В июле 1787 г. он отправил ахалцикскому паше депутацию и заключил с ним мир [13. Т. 2, С. 193]. Князь Потемкин пытался отговорить Ираклия от этого шага. Он потребовал от

турок наказать пашу и подтвердить суверенитет Грузии, в противном случае просил считать мирный договор расторгнутым.

11 июля 1787 г. Екатерина II возвратилась из путешествия в Крым. 15 июля Порта передала ультиматум, в котором требовала признать царя Ираклия вассалом Порты и удалить русские войска из Тифлиса и из Грузии. Отправка войск Ираклию была, по мнению турок, серьезным нарушением Кучук Карнайджийского договора. [64, С. 629]. С целью опередить Россию турецкое правительство, рассчитывавшее на поддержку Англии и Пруссии и побуждаемое ими, 16 августа 1787 г. в ультимативной форме потребовало возвращения Крыма под власть Турции. Русский посол Булгаков отклонил ультиматум и тотчас был посажен в Семибашенный замок. Вслед за этим 24. августа 1787 г. Турция объявила войну России.

В соответствующем манифесте, в частности говорилось, что Русский двор настроил против них тифлисского хана, несмотря на известный им фирман (Константинопольский договор. - Б.Б.), который доказывал его подчинение Порте. Русские, по словам турецкого правительства, ввели войска в Тифлис и настроили против Турции всех соседей [64, С. 944]. Согласно турецкой ноте, это было сделано, чтобы распространить свое влияние на Дагестан и Азербайджан.

Порта, очевидно, воспользовалась выгодной международной ситуацией, чтобы объявить России войну, и на этот раз

сделала ставку на Кавказ как на важный театр военных действий. Прокламации шейха Мансура призывали всех мусульман к священной войне против неверных, так что даже правитель Марокко откликнулся на один из манифестов. 9 сентября Екатерина II издала манифест о разрыве отношений с Турцией и открытии военных действий. Потмекин посылает приказ находящимся в Грузии войскам возвращаться. 26 октября 1787 г. русские войска находились уже во Владикавказе, а уже весной 1788 г. покинули крепость [13. Т.2. С. 195].

В турецком ультиматуме, как мы видим, не содержится претензий по поводу активности России в Предкавказье, дипломатическая нота лишь осуждает деятельность России в Грузии. Почему же тогда русским после объявления войны пришлось все же скрыть Владикавказ? Авангардная линия войск, блокирующих горы, по свидетельству Пишкевича, была расформирована, мелкие укрепленные пункты оставлены и все русские силы перемещены в три больших гарнизона с базами в Моздоке, Кизляре и Екатеринодаре. Российские войска, таким образом, отошли на рубежи недавно образованной Кавказской области, которая состояла из уездов: Екатериноградского, Моздокского, Кизлярского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского.

4 октября командующим войсками на Кавказской линии стал генерал-аншеф Текелли. Возможно, именно ему и принадлежит решение об оставлении Владикавказа в 1788 г.

Граница российских владений на востоке, где находилось основное сосредоточение российских сил, проходила по берегу р. Кубани, которую впоследствии корпуса Текели и Бибикова будут переходить, совершая вылазки в сторону турецкой крепости Анапы. Шейх Мансур, отступив за эту границу, организует здесь сопротивление вместе с закубанскими народами.

«Раздробленное повсюду малыми частями, - свидетельствует Пишчевич, - наше войско не в силах было поставить должной преграды неприятелю подоблющемся приливу и отливу морскому; грабежи по дорогам, нападения на все посты слабые были столь часты, что никто не смел из крепостей показаться, ежели не желал на веревке водим быть в горы. В сей суматохе слабость голов наших генералов оказалась во всей своей силе, и они в нерешимости ничего не предпринимали» [40, С. 78]. Турецким эмиссарам, о чем красноречиво свидетельствуют заметки Пишчевича, удалось настроить против русских северокавказские народы. «Война наша, - пишет Пишчевич, - была превращена в оборонительную против такого неприятеля, которого у двора не уважали, хотя впрочем, он дрался храбрее турок» [40, С. 96].

Как мы видим, за 1785-1787 гг. Турция, действуя через своих агентов влияния, смогла практически полностью вытеснить Россию из Закавказья. Перехваченные прокламации шейха Мансура к кабардинцам, рассылаемые из Анапы и написанные на арабском языке, говорят о том, что турец-

ким эмиссарам удавалось добиваться неповиновения и сеять смуту также и среди северокавказских горцев. Оборона крепости Владикавказ, прикрывавшей дорогу через перевал, потеряла, таким образом, всякий смысл. Основные действия военной кампании на Кавказе происходили за Кубанью, где предводимые шейхом Мансуром закубанские народы вместе с турецкими гарнизонами оказывали русским ожесточенное сопротивление. Решение срыть Владикавказ в 1788 г., таким образом, было продиктовано, прежде всего, военной необходимостью.

Трудности российских войск также усугубляло сложное международное положение. Лишь в феврале 1787 г. спустя полгода после начала конфликта австрийский император Франц-Иосиф решил выполнить свои союзнические обязательства и объявить войну Турции. До этого момента Россия противостояла Турции в одиночку. Международная ситуация не улучшилась когда 2 июля 1788 года вторжением в русскую Финляндию 38-тысячного войска под командованием короля Густава III началась русско-шведская война, а Австрия после смерти императора Иосифа II в 1790 г. подписала с Турцией мирный договор.

Перелом на кубанском фронте наступил вскоре после назначения генерал-аншефа Гудовича главнокомандующим Кавказа и Кубани 24 декабря 1790 г. Летом 1791 г. русские войска под командованием Гудовича все же взяли Анапу, и пленили руководившего борьбой против России на Кавка-

зе шейха Мансура. Став российским пленником, он был отправлен в Санкт-Петербург и находился в неволе, пока не закончил свои дни в Соловецком монастыре. Военное поражение на обоих театрах боевых действий заставило Турцию отказаться от дальнейшей борьбы. Подписанный вскоре Ясский мирный трактат подтверждал Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., акт 1783 г. о присоединении Крыма и Кубани к России, другие предшествовавшие соглашения и добавлял к ним новые условия.

В пятой статье Ясского мира Турецкое правительство отказывалось от своих претензий на Грузию и обязалось не предпринимать каких-либо враждебных действий против грузинских земель. «Блистательная Порта, - говорилось в трактате, - обещает подтвердить вновь издаваемым фирманом данный прежде, чтоб Ахалцыкский Губернатор, пограничные начальники и прочие отныне впредь ни тайно, ни явно, ни под каким видом не оскорбляли и не беспокоили земель и жителей владеемых Царем Карталинским, о чем и отправить к помянутому Ахалцыкскому Губернатору, к пограничным начальникам и к прочим с строжайшим прещением и подтверждением указы». Согласно статье восьмой, все военнопленные и невольники мужского или женского рода, какого бы достоинства или степени ни нашлись в обеих Империях, взаимно должны были быть освобождены, возвращены и препоручены без всякого выкупа или платежа. В числе таковых в трактате упомянуты и пленные грузины.

8 мая 1792 г. Екатерина в письме Гудовичу относительно просьб царя Ираклия о предоставлении войск сообщает, что «ныне отправлять в Грузию войска за благо не приемлется, предоставляя впредь таковое войск наших пребывание, донеже не откроются к тому удобные случаи и обстоятельства» [13. Т. 2, С. 334]. Несмотря на положения Ясско-го мира, по условиям которого Турция брала на себя обязательство не вмешиваться в дела Грузии, угроза возобновления войны со стороны Турции еще сохранялась в 1793-94 гг.. Лишь 1 сентября 1795 г., вероятно, в ответ на известие о движении на Тифлис войск Аги-Магамеда Екатерина дает поручение Гудовичу отправить в столицу Картли-Кахетинского царства российские войска. В октябре с Кавказской линии к Моздоку выдвигается часть войск, которые были направлены для «обозрения и исправления с помощью нанятых осетинцев пути, в Грузию ведущего» [13. Т. 2, С. 344].

Спустя месяц, 20 ноября в Грузию уже из Владикавказа отправлен отряд полковника Сирохнева (батальон Кавказского Гренадерского полка, батальон Кавказского Егерского корпуса, 30 казаков), общей численностью 3 000 человек. Таким образом, конец ноября 1795 г. – это время когда крепость Владикавказ вновь начинает появляться в приказах и сводках как действующее российское военное укрепление. Но отстроен и снабжен постоянным гарнизоном Владикавказ будет позже – это случится в эпоху правления императора Александра I. Это отчетливо видно из путевых записок о

путешествии на Кавказ Яна Потоцкого.

Осенью 1797 г. польский филолог и полиглот, совершая свое путешествие на Кавказа, сможет доехать только до Моздока. О Владикавказе, в котором ему так и не удалось побывать, он сможет рассказать только короткую притчу. Речь идет об эпизоде возвращения полка Римского-Корсакова из Персидского похода через Дарьяльское ущелье в 1797 г. "Когда пехотный отряд из Москвы, - пишет Потоцкий, - установил арьергард у входа в Грузию в том месте, где прежде стояла крепость Владикавказ, один гренадер, не знаю уж по какой причине, отошел от лагеря на несколько сот шагов. Выстрелом из ружья из-за скалы гренадер был убит на месте; в тот же миг показался ингуш, который отрезал убитому оба уха и тотчас исчез в скалах" [41].

Ахмет Дударов и дорога в Тифлис

Известным манифестом от 12 сентября 1801 г. взошедший на престол Александр I подтвердил присоединение Картли-Кахетинского царства к Российской империи, объявленное ранее его отцом императором Павлом I. Правительство начинает строить планы по присоединению всех грузинских земель. Количество войск, направляемых в Тифлис через Владикавказ, увеличивается, и забытая в последние годы царствования Екатерины Великой крепость вновь становится важным стратегическим пунктом на пути из России в Грузию.

Последний раз русскими войска, проходили через Владикавказ, возвращаясь из Персидского похода. Это был небольшой отряд генерала Римского-Корсакова, который в 1797 г. вернулся на линию через Дарьяльское ущелье. С момента же присоединения Картли-Кахетинского царства части русских войск двигались только в одном направлении - с севера на юг. Уполномоченный по делам Грузии советник Ковалев еще в августе 1800 г. писал другому уполномоченному генералу генералу Кнорингу: «Всего бы лучше, по моему мнению, коли бы ваше превосходительство имея уже нынче повеление высочайшее на выступление сюда со всем назначенным войском к Владикавказу подвинулись. Сим движением ни мало

кажется не трудным сблизилась бы вы для подания нам в нужде потребной помощи ускорили бы окончание мостов и утвердили бы слух о непрременном вашем сюда шествии» [2. Т. 1, С. 130].

В апреле 1802 г. проезд в Грузию полка генерала Кноринга сопровождали 700 казаков. Помимо этого, как докладывал Кноринг в своем рапорте императору Александру, «две бывшие флигель роты Кавказского гренадерского полка, оставя Моздок, заняли у самого входа в горы Кавказские по пути в Грузию, упраздненную владикавказскую крепость» [2. Т. 1, С. 476]. 2 мая Кноринг обнародует в Тифлисе прокламацию, в которой объявляет, что Российский император Александр I поручил ему учредить в Тифлисе верховное грузинское правление. В августе Кноринг предупреждает грузинского царевича Вахтанга о том, что в Тифлис вскоре прибудет следующая часть войск (до 3 тыс. человек) «частью уже ожидающие сего во Владикавказе, а частью приближающиеся к крепости сей с кавказской линии» [2, Т. 1, С. 273]. Речь шла о ротах Кавказского гренадерского и Кабардинского мушкетерского полков, укомплектованных артиллерийскими орудиями. Владикавказ, как следует из отчетов и донесений, становится важным пунктом сообщения между Тифлисом и Моздоком, через который каждое воскресенье проходит курьерская почта.

Проезд по дороге от Владикавказа до вершин Главного Кавказского хребта контролировали осетины-тагаурцы. На

их участке находилось 27 мостов, 8 из которых нуждалось в ремонте, а 3 надо было построить заново. Возведение, ремонт и содержание мостов было поручено 10 знатным тагаурским фамилиям, взамен чего им было делегировано право взимания пошлин с проезжающих по дороге купцов. Всем российским курьерам, чиновникам и военным, а также казенным грузам, проезд по дороге объявлялся беспошлинным [2. Т. 1, С. 327].

Историк Потто комментирует появление этой привилегии у десяти тагаурских фамилий следующим образом. «Тогда существовал обычай, - пишет В.А. Потто, - по которому со всех проезжающих от Ларса до Владикавказа брали денежную пошлину в пользу таугарских старшин – обычай, сложившийся еще тогда, когда при грузинских царях купцы, ездившие в Россию или на линию по торговым делам, вынуждены были для своей охраны нанимать проводников из тагаурцев. Но когда дорога перешла во владение России и по ней учредилась линия кордонов, проводники стали не нужны. Но чтобы не лишить тагаурских старшин дохода за то, что через их земли прошла военная дорога, право на получение ими пошлин, от тридцати пяти копеек до десяти рублей, смотря по личности и средствам проезжающих, осталось во всей своей силе. Подать эту собирал комендант во Владикавказе и потом делил между десятью главнейшими тагаурскими фамилиями» [42].

Все осетинские старшины окрестных сел – представители

10 влиятельных фамилий, получавшие доход от проезда по дороге, взяли на себя связанные с проездом обязательства и исправно выполняли условия договора. Кроме одного. Его имя появляется в докладе Кноринга Александру I от 28 июня 1802 г. [2. Т. 1, С. 588]. Но оно было знакомо представителям российской администрации на Кавказе достаточно давно. Это имя – Ахмет Дударов.

Хронисты Кавказской войны рисуют его образ как человека влиятельного и непримиримого. А. Г. Гатуев в своем очерке называет Дударова ярым поборником ислама. «Сей Ахмед, - пишет Гатуев, - человек честолюбивый, привлекавший в магометанство многих из своего поколения тагаурцев, по закоренелой привычке к грабежам, делал многие предерзости на россиян, проезжавших в Грузию из Моздока и обратно» [17, С. 92]. Кноринг сообщал, что вышеуказанный старшина с партией своих сообщников остановил курьера, направлявшегося из Грузии в Моздок, отобрав у конвоирующих его шести казаков лошадей и оружие. Затем, устроив на дороге засаду, он принудил направлявшихся в Грузию оберофицеров дать ему 200 рублей, а также ограбил армянского епископа. В ответ на это Кноринг с ротой гренадеров и двумястами казаками напал на его резиденцию аул Чми, взял штурмом и разорил дом Ахмета Дударова. Но, добившись перемирия с Кнорингом, Дударов не прекратил нападения на проезжающих.

Почему Дударов вел себя безнаказанно? Вероятно, пото-

му что чувствовал за спиной поддержку другой крупной державы. Персия не собиралась просто так отдавать русским свою провинцию. Враждебные России Эриванское и Нахичеванское ханства находились под покровительством шаха и имели полный карт-бланш на сопротивление влиянию России и препятствование продвижению русских войск в Закавказье. Персидские правители сделали ставку на раскол среди наследников царя Ираклия. Сын покойного царя Георгия, Давид, его мать - царица Мария (Мариам), вдова Ираклия - Дарья (Дариджан) и другие наследники Ираклия, согласно плану российского правительства, подлежали отправке в Россию. Но ехать они должны, разумеется, Военно-Грузинской дорогой, которую, как известно, контролировал Дударов.

О Дударове чиновникам было известно, что он человек влиятельный. В донесениях его называют Дударуко, иногда Дударуко Ахметов, видимо, не умея отличить имя от фамилии. Аул, находящийся в 8 верстах от Балты – Верхний Чми именовался также Ахмет, по имени его владельца. Ахмет Дударов, как сообщают источники, был вхож к царю Ираклию и часто принимался при его дворе. Являясь представителем древнего рода, Ахмет, вероятно, считал себя полноправным хозяином дороги. Весь путь от Владикавказа до Стефан-Цминда (Казбека) контролировался Дударовыми. Все аулы на этом отрезке - Балта, Чми и Ларс были вотчинами потомков Дудара [19, С. 70-89]. Дударовы, таким образом,

безраздельно контролировали важнейший участок дороги и имели бумаги, подписанные российскими властями, гарантирующие им их права и привилегии. Еще во время первого перехода русских через кавказский хребет императрице Екатерине докладывали о сугубо добровольном характере помощи осетин – это было в духе антитурецкой коалиции.

Тем не менее, в 1772 г. тагаурцы задерживают ехавшего обратно из Грузии профессора Гильденштедта. Генерал де Медем отправляет ему на выручку солдат под командованием майора Криднера, который вызволил ученого без кровопролития, издержав на подарки 30 рублей. В донесении говорится, что «тагаурский владелец Ахмат (Ахмет – Б.Б.) был вынужден дать аманатов».

Л. Штедер, побывавший в Тагаурском обществе в 1781 г., в своем дневнике упомянул Ахмета Дударова: «Я пришел к Ахмету или Шимити, в 8 верстах южнее Балты по левому берегу Терека. На северной стороне в глубоком ущелье протекает ручей, на котором жители держат свои горизонтальные мельницы. Это место располагает в одной своей части каменными домами и башнями, среди которых самый лучший дом старейшего – Ахмета, который пользуется здесь наибольшим почетом».

Далее Ахмет Дударов возникает в рассказе Пишчевича, который, направляясь на переговоры в 1784 г. к царю Ираклию встречается с Дударовым в Ларсе. Пишчевич, предъявив бумагу от генерал-поручика Потемкина, просил дать

ему проводника. Дударов соглашается помочь Пищевичу, как гостю, из уважения, но на упоминание имени Потемкина отвечает сакраментальной фразой: «Вот мой бог (указывая на небо), а это мой государь (указывая на саблю), я никаких Потемкиных знать не хочу; я князь и никого не боюсь» [40, С. 53].

О вероломстве Ахмета Дударова далее императору Александру докладывает генерал Кноринг. Так, Дударов остановил курьера с письмом из Грузии в Моздок, отобрал у конвоировавших его казаков лошадей и оружие, ограбил армянского архиепископа и заставил штаб и обер-офицеров, следовавших к своим полкам в Россию, уплатить 200 рублей за проезд.

20 июня 1802 г. Кноринг, выехав из Тифлиса с двумя сотнями казаков и соединившись с ротой гренадерского Кавказского полка, прибывшей из Владикавказа, подошел к аулу Ахмета Дударова (Верхний Чми) и осадил его, требуя к себе старшину Ахмета. Если верить докладу Кноринга, в ходе атаки было убито 19 чел. и ранено 6 [2. Т. 1, С. 588]. Помимо этого, осаждающие сожгли возведенную стараниями Дударова первую и единственную в тагаурском обществе мечеть [17, С. 92].

Дударову пришлось заключить с Кнорингом соглашение, в котором обязался впредь не угрожать жизни и свободе проезжающих по дороге. В соответствующем письме от 29 июля 1802 г. Кноринг называет Дударова почетным тагаурским

старшиной. «Кноринг, - резюмирует историк Ковалевский, - постарался установить безопасность сообщений по Дарьяльскому ущелью. Прежде всего он проучил одного из хищных вождей племени тагаурцев Ахмета Дударова, позволившего напасть не только на отдельных проезжающих, но и на военные отряды. Но рядом с этим он и смалодушничал, позволив представителям 10 фамилий тагаурцев брать дань от проезжающих по Дарьяльскому ущелью и даже сам платил по 10 рублей в год от моста через Терек. Не так поступил новый главнокомандующий Цицианов» [30, С. 142].

Уже в начале следующего 1803 г., когда его проект обустройства Кавказа не встречает в Санкт-Петербурге должного одобрения, Кноринг подает прошение об отставке, и новым главнокомандующим становится грузин по национальности П.Д. Цицианов. Достигнутые Кнорингом договоренности, как это становится видно в дальнейшем, будут аннулированы. Вся власть сосредотачивалась в руках назначенного Александром I главнокомандующим русскими войсками на Кавказе генерала Павла Дмитриевича Цицианова.

В феврале 1803 г. Цицианов предлагает восстановить Владикавказ и расквартировать в нем один гарнизонный батальон. Через год царь Александр утвердит это предложение, сократив, однако, численность батальонных рот вдвое. [2. Т. 2, С. 293]. Помимо этого, Цицианов просит прислать во Владикавказ инженера генерал-майора Фельдкерзама для обсуждения и улучшения проекта крепости, подготовлен-

ного генерал-майором Мейером [2. Т. 2, С. 800]. Предложение Цицианова разрешить осетинам селиться у крепости также будет утверждено [2. Т. 2, С. 224]. Цицианов, при этом, предупреждает императора об опасности, исходящей от осетин-тагаурцев, которыми «сделано на бумаге постановление, позволяющее им взимать пошлины с проезжающих купцов».

19 марта один из уведомителей сообщает, что тагаурцы якобы замешаны в антироссийском заговоре и строят замыслы нападения на кортеж царицы Дареджан, проезжающий по Военно-грузинской дороге вглубь России [2. Т. 2, С. 225]. В другом донесении от 1 августа 1803 г. говорится, что упомянутый старшина Дударов ездил в Имеретию и встречается с царем Соломоном. Дударов якобы получил от него 300 мрачилов, чтобы настроить своих против России и в частности разрушить мосты через Терек, сделав дорогу непроходимой. Доносчик также рассказывал, что видел грузинских царевичей Юлона и Парноаза, которые собираются подговаривать горцев к мятежу и пробраться в Дагестан [2. Т. 2, С. 128]. Имеретия, царь которой Соломон, на тот момент еще сохранял независимость, становилась одним из центров заговора. В рапорте канцлеру Воронцову Цицианов пишет: «К вящему доказательству неприязненных расположений царя Соломона, я имею верное известие, что он старается посредством тагаурского старшины Дударуко препроводить царевичей грузинских Юлона и Парнаоза через Кабарду и Кавказские ущелья в Дагестан, откуда вредить нашим пределам

могут приобрести они более способов» [2. Т. 2, С. 356].

В докладе от 18 октября говорится о начавшихся нападениях осетин на проезжающих и на военные команды. В 3 верстах от крепости Владикавказ и далее случилось четыре таких нападения, два из которых повлекли за собой жертвы. Так 1 октября отряд подполковника Корнеева следует из Грузии во Владикавказ, не доезжая до селения Балты сталкивается с шайкой разбойников, численностью около ста человек. На вопрос Корнеева, кто они, неизвестные отвечают, «что они осетинцы и что им ничего не надобно, кроме того, чтобы их всех перебить» [2. Т. 2, С. 229]. В неравной схватке Корнеев погиб, а разбойники, завидев подоспевшую подмогу, удалились к себе в ущелья. Именно в таких условиях Цицианову приходится действовать, претворяя в жизнь волю императора Александра.

Почему Александр I назначил новым главнокомандующим именно князя Цицианова? Представитель дворянского царского рода, находясь на царской службе, очевидно, сохранил тесную связь с исторической родиной. В переписке с друзьями молодой М.С. Воронцов, оказавшийся в войсках кавказского корпуса в звании лейтенанта, называет Цицианова не иначе как принцем. Дело в том, что князь Цицианов был родственником последней грузинской царицы Мариам Цицишвили.

Князь, проводя свою политику в Дарьяльском ущелье, находит опору в верном российской власти майоре Казбеке,

чьё поселение расположено непосредственно в верховьях Терека. В письме майору Казбеку Цицианов объявляет, что лишает тагаурцев участия в подрядах на починку дороги. «Не помнишь ли ты, что в Георгиевске мне сказывали и тагаурцы и вы все, что работники у них дешевы и по 15 копеек медью можно достать, а теперь просят по 30 копеек с. (серебром. – Б.Б.)? Можно их уверить, что они этой цены не получают, а я пришлю полк, который будет работать» [2. Т.2, С. 228].

В этом же письме Цицианов впервые упоминает имя Дударова, который, как ему кажется, стоит за готовящимся заговором. В письме от 20 октября 1803 г. Цицианов заявляет, что полон решимости покарать осетин. «Как Кноринг также за стрельбу их никогда не прошу, а осенью сглажу все их селения, буде они мне теперь виновных не выдадут для наказания». О происшествиях на дороге докладывают лично Александру I, и он 11 ноября приказывает Цицианову строго наказывать разбойников [2. Т. 2, С. 228].

19 декабря 1803 г. Александр I утверждает проект Военно-Грузинской дороги, проходящей через тагаурское общество. Населенный пункт, фигурировавший ранее в проекте как Ахмет (вероятно по имени Ахмета Дударова) в окончательном варианте упоминается уже под названием Ларс.[2. Т. 2, С. 229]. Каким-то образом Цицианову удастся убедить других Дударовых Махамата и Джанхота уступить российским властям эту крепость, и уже 1 февраля 1804 г. Цицианов сообщает Александру I о приобретении селения Ларс,

переуступленного казне его владельцем тагаурским старшиной Махмадом Дударовым в обмен на звание майора и жалование [2. Т. 2, С. 553].

Получив контроль над ключевым стратегическим пунктом, Цицианов начинает действовать более решительно. 4 апреля 1804 г. Цицианов приказывает закрыть всем тагаурцам проход в Грузию и в Моздок, куда жители общества ездили сбывать свои товары и закупать все необходимое [2. Т. 2, С. 552]. Узнав, что тагаурцы осуществляют торг через соседние общества, Цицианов 24 мая издает распоряжение всем жителям Грузии ничего тагаурцам не возить, ни хлеба, ни других товаров.

20 апреля 1804 г. Цицианов вводит войска в Имеретию и 25 апреля заставляет царя Соломона II подписать Элазнаурский трактат о российском протекторате над Имеретией. Затем главнокомандующий отправляется в Эривань и 30 июня наносит поражение войскам Аббас-мирзы при Эчмиадзине и Канагире. Далее, до сентября Цицианов осаждает Эриванское ханство и проводит с основными войсками, в походе три месяца. Именно в это время на Военно-грузинской дороге разворачиваются основные события, связанные с восстанием, которым руководит Ахмет Дударов.

«Возмущение тагаурцев, - пишет князь Волконский, - прежде еще выступления войск к Эривани прервало свободное сношение с линией» [2. Т. 2, С. 328]. Цицианов, находясь далеко, под стенами осажденного города, узнает о происхо-

дящих на Военно-Грузинской дороге событиях из донесений и отдает своим людям в Тифлисе письменные распоряжения.

Так, 29 мая Цицианов, находясь далеко от места действия, на подавление восстания тагаурцев отправляет из Тифлиса отряд подполковника князя Эристов. Но восстание, начатое тагаурцами, к тому моменту подхватывается уже другими обществами. 4 июня жители Чартальского, Гудамакарского, Мтиулетского уездов уничтожают Кайшаурский пост, нападают на Ананур, убивают нескольких казаков и, повалив деревья, перекрывают дорогу от Ананура до Кайшаура. К восстанию присоединяются хевсуры и тушинцы. Численность отрядов бунтовщиков, по некоторым данным, достигала 4 000 человек [2. Т.2 С. 308]. Представители восставших жителей сообщают представителям Цицианова, что они приведены в разорение проходящими полками, не получают платы за расчистку дороги и терпят унижения от капитана исправника [2. Т. 2, С. 310].

10 июня майор Мелла и князь Эристов, выступив из Коби, спустились к Крестовой горе, где столкнулись с гудовскими осетинами, которые завалив дорогу камнями, устроили ряд засад, чтобы не пропустить никого по дороге. После продолжительного боя российским войскам и грузинскому ополчению удалось сломить сопротивление, но по уходу войск с позиций, укрепления вновь занимались осетинами [2. Т. 2, С. 313]. 11 июня князь Волконский и генерал-майор Талызин с батальоном солдат в результате девятичасового сражения

расчищают дорогу у Ананура, убив около 100 человек восставших. Но и после боя, как пишет Волконский, мтиулетцы не усамирились и дороги не поправили [2. Т.2, С. 314]. Бои за упомянутые высоты продолжившиеся 25-27 июня, ничего не дали, и войска вынуждены были вернуться в Тифлис.

Персидское правительство тем временем провозглашает находящегося в ставке персидских войск наследника Александра Ираклиевича царем Грузии и всецело одобряет действия восставших. 9 июля тагаурцы получают от царевича Александра письмо, в котором тот просит их не пропускать в Грузию российские войска и обещает прибытие подкрепления из Персии. Вся долина Терека и Арагвы, таким образом, становится центром выступления против власти Цицианова. 15 июля восставшие во главе с прибывшем в их стан царевичем Парнаозом осаждают оплот российской власти на дороге - селение Казбек (Стефан Цминда) и после долгой осады добиваются его сдачи. В числе защитников восставшие берут в плен и самого майора Казбека, оставшегося верным присяге и отказавшегося идти с мятежниками наговор.

О событиях в селении Казбек нам сообщает находившийся там среди осажденных полковник Дренякин. «16 числа, - пишет Дренякин, - по утру рано пришел разбойник Дударуко и 300 осетинцев и кистинцев и тогда жизнь наша была в крайнем уже положении» 2. Т. 2, С. 322]. После сдачи селения у защитников отобрали все имущество. Узнав о падении Казбека, к восставшим присоединяется и Ксанское осетин-

ское общество, о чем в своем рапорте от 12 августа сообщает майор Меллы [2. Т. 2, С. 326].

Вести о полной потере контроля над Военно-Грузинской дорогой доходят до императора Александра, и он присылает на помощь Грузии корпус генерала Несветаева. Пройдя быстрым маршем до Владикавказа, Несветаев вскоре оказывается на дороге и расправляется с восставшими. «Мы разбили Дударуко и селения его сожгли, - пишет 11 октября князю Эриставу находящийся в составе корпуса Феодор Ахвердов, - нас 3 000 человек с лишком и имеем 30 пушек». [2. Т. 2, С. 332]. Войска Несветаева вскоре освобождают Казбек и Ананаур. Последний царевич, связанный с восставшими Парнаоз был схвачен отрядом князя Орбелиани и отконвоирован в Тифлис. Навстречу Несветаеву движется князь Цицианов, который сняв осаду с Эривани, возвращается в Грузию.

После разгрома восстания и наказания зачинщиков 26 октября Цицианов приказывает всем тагаурцам вернуть награбленные при осаде Казбека вещи и принять к сведению новые расценки пошлины для проезжающих через Военно-грузинскую дорогу - по 30 к. с пешего по 70 к. с конного и по 1 р. за выюк (груженную лошадь). Эти пошлины взимаются на участках от Ларса до Казбека и от Ларса до Владикавказа. Если требования будут выполнены, Цицианов обещает тагаурцам российское подданство, и связанные с ним защиту и покровительство [2. Т. 2, С. 555].

В своем донесении графу Кочубею Цицианов сожалеет о том, что Несветаев, уничтожив крепость Ахмета Дударова, подтвердил, тем не менее, достигнутую им с генералом Кноррингом договоренность о размере взимаемых пошлин. Он же Цицианов намерен это соглашение аннулировать и уже сообщил тагаурцам новые расценки.

После подавления восстания в Тагаурии Цицианов отправляется в Южную Осетию, где у Рокского перевала было совершено нападение на полк Рышкина. Условия мира, выдвигаемые Цициановым, здесь такие же жесткие, как и в Дарьялском ущелье: все башни сломать, из каждой деревни дать аманатов со своим содержанием из лучших домов, за каждый проступок посылать аманатов в Россию в качестве рекрута или на заводы [3, С. 19]. Жители, уставшие от террора со стороны карателей, готовы на все. «Здесь же может, если богу угодно, - пишет Цицианов 30 ноября из селения Кошки, - будет конец всей кампании, для того, что даже из-за гор пришли с повинною, дают аманатов и обещают все отдать, что имеют» [3, С. 22].

У исследователя противостояния Дударова и Цицианова неизменно возникнет вопрос. Как прежде лояльные российской власти осетины с началом русско-персидской войны фактически оказались на стороне Ирана? Ответ, вероятно, кроется в настроениях грузинского царского дома. Если в эпоху Екатерины цари Ираклий и Соломон заключили союз с российской державой и сообща выступили против турок,

создав коалицию, к которой фактически присоединилась вся Осетия, то в эпоху Александра настроения грузинских царевичей было иным. Большинство наследников Ираклия не приняли вхождения их родины в состав Российской империи и, стали вынашивать планы возвращения к власти, с опорой на иранские штыки. Российские чиновники постоянно перехватывали воззвания этих царевичей к осетинам, предлагающим ополчиться против российской власти, которые определенно имели действие на осетинскую аристократию, прежде послушную грузинскому престолу. Как сообщают в докладной записке, за нападением на полк Рышкина возможно стояли князья Эристовы. Это подтверждает версию координации возмущений персидским правительством, которое действовало через бежавших в Персию представителей царского дома.

В сентябре 1805 г., когда волнения окончательно стихли, надежды на реставрацию династии Багратидов при поддержке Персии рухнули, и переход Грузии под контроль Российской империи стал очевидным. Ахмет Дударов, судя по всему, теперь уже сам пытается выпросить прощение за участие в мятеже. Оставшись без крыши над головой, старшина ходатайствует о восстановлении его статуса. Ответ Цицианова оказывается по обыкновению грубым. «Когда ты того желаешь, - пишет Цицианов, - то должен сам ко мне приехать с сыном, и валяясь у ног испрашивать прощения себе» [2. Т. 2, С 556].

Ранее на ходатайство майора Казбека о снисхождении к участи Ахмета Дударова Цицианов отвечает также резко. «Я не только не соглашусь обезопасить его, - пишет Цицианов, - но коль скоро его поймаю, то велю или голову отрубить, или сквозь строй загонять» [2. Т. 2, С. 556]. Удивительно, но участь, которую Цицианов отводит для известного тагаурского старшины, вскоре постигнет его самого. В феврале 1806 г. Цицианов погибает под стенами Баку. Его предательски убивают, тело обезглавливают и голову отправляют в подарок персидскому шаху.

Новым главнокомандующим войсками в Грузии и Дагестане становится И.В. Гудович. Тагаурцы пишут обращение на его имя, в котором сообщают, что разорены запретом взимания пошлин и отдают коменданту крепости Ивеличу аманатов. Опытный военный, вероятно, в отличие от своего предшественника, умел эффективно решать поставленные задачи. Перспектива иметь на стратегически важном перевале еще одного затаившегося шейха Мансура, видимо, отнюдь не вдохновляла нового командующего. Назначение Гудовича знаменует конец волнений на Военно-грузинской дороге Ахмет Дударов получает звание майора. В оправдание оказанного Дударову доверия Гудович потребовал, чтобы он наказал кистинцев (ингушей – Б.Б.) в их жилищах за производимые ими проезжающим злодейства» [2. Т. 3, С. 216].

11 апреля 1809 г. Гудович составляет особое предписание для тагаурцев, содержащее обязательства, согласно которым,

они впредь должны поступать. Дударов выполняет все поручения главнокомандующего. Но уже 24 апреля 1809 г. комендант Владикавказа Ивелич докладывает новому командующему Тормасову о гибели Ахмета Дударова. Его на территории крепости убивает ингушский старшина Шах-мурза за кровь своего сына. Убийце удается уйти нетронутым и даже избежать возмездия. 16 мая Тормасов докладывает об этом Александру I [2. Т. 3, С. 457]. Так заканчивается история осетинского старшины, имя которого долгие годы наводило ужас на российских начальников на Кавказе.

В этой связи возникает вопрос о княжеском достоинстве Ахмета Дударова, который постоянно поднимается с разной степенью интенсивности. Так, Пишчевич обращается к Дударову как князю. В дальнейшем же о титуле Ахмета Дударова, ставшего мятежником, не говорится вовсе. Были ли Дударов князем, и являлись ли вообще Дударовы представителями княжеской фамилии? Утвердительно на этот вопрос отвечает немецкий путешественник Кох, который оказывается во Владикавказе на Военно-Грузинской дороге в 40-е гг. Кох однозначно говорит о Дударовых как о князьях. Но кто мог возвести Ахмета Дударова в княжеское достоинство?

Княжеский титул Дударов мог получить при дворе Картли-Кахетинского царя Ираклия. Осетины охотно служили в войсках Ираклия и составляли его личную гвардию [63, С. 334]. Капитан-поручик Львов также сообщал графу Панину, главе Коллегии иностранных дел, что Ираклий имеет в сво-

ем войске около 1 000 «осетин, тагаурцев и ингушевцев» [56, С. 384] .

Как сообщал в своих записках ученый Гильденштедт, направлявшийся через Дарьяльское ущелье к царю Ираклию, его безопасность обеспечивал старшина Ахмет. По договору 1783 г. российские власти должны были признавать все титулы, полученные грузинской знатю. Нарушить это правило, вероятно, означало посягнуть на незыблемость русского крепостного права, которое даже в новых землях имело свою силу.

Обитель аманатов

Так случилось, что в городе Владикавказе не нашлось улицы, которую назвали бы именем, наверное, самого известного русского генерала эпохи Кавказской войны – генерала Ермолова. Связано это с тем, что выдающийся полководец, олицетворявший славу русского оружия, оказался при новом императоре Николае в опале. Почти весь период его правления бывший проконсул Кавказа проведет в своем имении, раздавая советы о руководстве краем лишь в переписке с близкими друзьями.

С самого начала своего царствования император Николай объявил, что не доверяет Ермолову, и отставка легендарного генерала была, вероятно, лишь вопросом времени. Кавказ же, а именно, его южный склон начинает покоряться его главному оппоненту - любимцу нового императора И.Ф. Паскевичу. Именно ему после отставки Ермолова император Николай доверит единоличное управление краем. На Ермолова же возложат всю вину, и за начало войны с Персией, и за неудачи в деле покорения северокавказских горцев.

Шанса оправдаться у бывшего наместника не будет – даже спустя много лет при новом императоре Александре II Ермолов хоть формально и займет государственную должность, но до конца жизни так и не будет реабилитирован. Никто не

сможет объявить его отставку несправедливой или ошибочной, а его стратегию покорения Кавказа единственно верной и недооцененной. Когда назначенный очередным новым наместником Н.Н. Муравьев, принимая командование, напишет Ермолову письмо, в котором превознесет его заслуги и обвинит в неудачах армию, это породит ропот. «Край этот, - пишет Муравьев, - через который в 1816 г. нельзя было проезжать без конвоя и пушек, ныне спокоен благодаря началу вами положенному. (...) ныне средства утроились, учетверились, а все мало да мало! (...) Войска превратились в горожан и простота землянки вашей не поражает ослабевших воинов Кавказа, в коих хотя дух и не исчез, но силы стали немощны» [2. Т. 11, С. 58].

Ответ военных на это оскорбление со стороны нового главнокомандующего не заставил себя долго ждать. «Не нам решать вопрос почему Кавказ еще не покорен. - писал в своем послании Святополк-Мирский, - Потому ли, что мы не живем в землянках, имеем законных жен и некоторые удобства жизни, или потому что его не умели покорить несколько десятков лет назад, когда целое народонаселение разбегалось от одного гула пушечных выстрелов; когда не было никакой связи между кавказскими племенами и обществами и когда не было мюридизм, начало и отчасти развитие, которого относится также ко времени землянок» [2. Т. 11, С. 59].

Между тем, превращение солдат в «горожан», на которое сетовал в своем письме назначенный главнокомандующим

Муравьев, случилось не без помощи Ермолова. Ведь именно благодаря его приказу в 1819 г. было получено право жителям офицеров гарнизона селиться в крепости, и Владикавказ сделал первый шаг к своему превращению в город. Прибытие первой партии жен, как отмечают историки, было встречено салютом [45, С. 11].

Во времена командования на Кавказе Ермолова вряд ли можно было представить себе подобные дискуссии в армии. Непререкаемым, по замыслу проконсула, должен был быть авторитет российской власти и в глазах горцев. Когда в плен попал майор Швецов, Ермолов настоял на том, чтобы выкуп за него похитителям - 8 тыс. рублей серебром, передал Султан-Ахмет хан аварский, но никак не российские власти [2. Т. 6. Ч. 2, С. 497]. Иное случилось в период наместничества Муравьева, когда российская власть серебром в размере 40 тысяч рублей выкупала у мюридов княжон Чавчавадзе и Орбелиани, вернув помимо этого враждебному имаму его сына Джамалуддина. Во времена Ермолова подобный обмен был бы немыслим.

Не в пользу последователей Ермолова и соотношение численности противоборствующих сторон в начатом им конфликте. В самом конце войны на Восточном Кавказе, в момент падения имамата и пленения имама Шамиля численность группировки российских войск превышала 250 тысяч солдат и офицеров. Ермолов же ставил задачи и добивался целей едва ли имея в своем подчинении одну пятую от этого

числа.

То, что во Владикавказе не нашлось улицы для увековечивания памяти полководца, державшего в страхе весь Кавказ, стало еще одной несправедливостью по отношению к Ермолову. Не иначе как суеверный страх перед грозным именем не дал властям города это сделать. А ведь именно в ермоловский период Владикавказ получает мощный импульс развития, о чем красноречиво говорят произошедшие в крепости перемены.

Неслучайно свою вторую поездку на Кавказ А.С. Пушкин начал с посещения усадьбы генерала Ермолова на Орловщине, чтобы узнать из первых уст о том, что же все-таки случилось у них с Паскевичем на Кавказе и почему Ермолову пришлось уйти. Неудивительно, что часть с этой беседой в итоге так и не попала в печать. В напечатанный в 1830 г. автором по горячим следам путешествия в Литературной газете очерк «Военно-Грузинская дорога» интервью с опальным военачальником также не вошло. Почему Пушкину не позволили опубликовать разговор с легендарным военачальником?

Конечно же, все дело в резонансной отставке Ермолова, которая для Пушкина, как и для многих других, должно быть, стала большой неожиданностью. Ведь восемь лет назад поэт, вдохновленный своим первым путешествием на Кавказ и пребыванием на минеральных водах в Пятигорске и Кисловодске, издал свою поэму «Кавказский пленник», которая

имела большой успех у читателей. Она заканчивалась словами: «Смирись, Кавказ: идет Ермолов!» Тогда с именем Ермолова многие, в том числе и автор «Кавказского пленника», связывали надежды на скорейшее прекращение войны на Кавказе.

Ермолов был назначен командующим Отдельным Грузинским корпусом 6 апреля 1816 г. и 10 октября прибыл в Тифлис. Вступив в должность в звании генерал-лейтенанта, Ермолов не был чужим на Кавказе. Здесь он получил боевое крещение в войсках графа Зубова и знал о противостоянии с горцами не понаслышке. По прибытии на линию Ермолов совершает поездку по территории вверенного ему края и осматривает все находящиеся в его ведении провинции. Одним из первых по дороге в Тифлис он посещает Владикавказ. «Смежные с кабардинцами, - пишет в своих дневниках Ермолов, - в местах ближайших к хребту Кавказа живут осетины. Некоторая часть оных в совершенной покорности у кабардинцев со времени могущества сих последних. Некоторые из осетин вышли на равнину и заводят селения в окрестностях Владикавказа».

Именно во Владикавказ Ермолов в 1816 г. требует к себе лидера чеченцев Бейбулата Таймиева. Именно из этой крепости Ермолов во главе с вновь сформированным во Владикавказе отрядом в 1823 г. выдвигается в непокорный Дагестан, охваченный волнением. «Как и надлежало ожидать, - пишет историк Богуславский, - появление в Дагестане Ер-

молова – грозы горцев, навело на них такой панический страх, что и брожение среди восставших жителей окончательно улеглось» [11. Т. 1, С. 378]. «Помня Ермолова, - пишет Бестужев-Марлинский, - горские народы не смели подняться на русских и в смутное время 1826 и 1827 годов, когда войска Аббас-Мирзы проникли до самой Самуры и все Засамурье поднялось с ними заодно» [8].

Крепости играли в стратегии Ермолова важнейшую роль. «С устройством крепостей, – писал он императору Александру, – я предложу живущим между Тереком и Сунжой злодеям, мирными именующимися, правила для жизни и некоторые повинности, кои истолкуют им, что они подданные Вашего Величества, а не союзники, как до сего времени о том мечтают. Если будут они повиноваться по-надлежащему, то назначу по числу их нужное им количество земли, разделив остальную между казаками и караногаицами; если же нет – предложу им удалиться к прочим разбойникам, от которых различествуют они одним только именем, и в сем случае уже все земли останутся в распоряжении нашем» [42].

Вскоре после ознакомления с местностью проконсул Кавказа представил свой подробный план покорения кавказских горцев, который был утвержден императором Александром. Он предусматривал выдворение чеченцев "народа дерзкого и коварного" за Сунжу. Для этого предполагалось возвести оборонительную линию и крепость Грозную. В междуречье Терека и Сунжи предполагалось поселить казаков и ногаев,

после чего совершить экспедиция в Кабарду и заняться закубанскими народами. Ермолов, как писал о нем Потто, начал с того, что оттеснил чеченцев за Сунжу, а на ней, в 1818 году, поставил первую свою крепость, Грозную, связав ее рядом укреплений с Владикавказом, стоявшим у самого прохода в горы на страже Военно-Грузинской дороги.

Ермолов стал планомерно выполнять свой план, закладывая новые крепости, прорубая просеки в лесах. Добившись выгодных условий мира с Персией, где он в течение полугода находился во главе российского посольства, он сосредоточил свои усилия на покорении северокавказских народов. Перенеся оборонительную линию на Сунжу, он закреплял за Россией равнинные пахотные земли, позволяя селиться на них лояльным чеченцами, ингушам и осетинам. Он смотрел на Кавказ как на крепость, которую нужно брать долгой осадой.

Несмотря на осуждение отставку, последователи Ермолова будут активно пользоваться выработанной им стратегии войны с горцами, например, прорубанием просек в лесах между отдельными укреплениями. Период Ермолова назовут самым плодотворным с точки зрения строительства крепостей. Нальчик, Грозная, Внезапная - все это возникает в период Ермолова.

«К этому времени, - пишет Потто, - на Сунже существовали уже два небольших укрепления. Генерал Дельпоццо, еще во времена командования Ртищева, поставил на ней Назрановский редут со специальной целью прикрыть Военно-Гру-

зинскую дорогу, проходившую тогда от Моздока к Владикавказу через землю ингушей; а в 1817 году Ермолов, уезжая в Персию, приказал поставить и другое укрепление, Преградный Стан, в пятидесяти верстах от Назрана, близ нынешней Михайловской станицы (...). Этот новый редут был занят ротой Владикавказского гарнизонного полка с двумя орудиями и сотней казаков. Лес против него за Сунжой был вырублен, и мера эта сильно обеспокоила чеченцев своей неожиданностью» [42].

После чеченского восстания 1825 г. Ермолов изменит расстановку укреплений на этом участке. «От Владикавказа до Грозной он прошел с одним батальоном Ширванского полка, при двух орудиях, и тремя неполными сотнями донских казаков, нигде не встретив помехи от чеченцев. По пути он приказал уничтожить Преградный Стан, стоявший в таком расстоянии от Сунжи, что легко мог быть отрезан от воды, и несколько малых редутов, которые за отдаленностью от Грозной и Владикавказа не могли рассчитывать на своевременную помощь» [42].

«С перенесением линии на Сунжу, - пишет Потто, - Ермолов принял Кабардинскую равнину за центр Кавказской линии и отмежевал отсюда по Кубани правый, а по Тереку и его притокам левый фланг линии – разделение, сохранившееся почти до последних дней покорения Кавказа» [2. Т. 12, С. 1091].¹ Сама система координат Кавказской войны, таким

¹ АКАК. Т. 12. С. 1091

образом, была создана именно Ермоловым. Система же фортификаций, в этой системе координат, отвечала его представлениям о Кавказе – крепости, которую надо планомерно осаждать. И одним из краеугольных камней этой фортификационной системы для Ермолова, был Владикавказ. Именно из Владикавказа прокладывается дорога к новой заложённой Ермоловым крепости Грозной. Отсюда в 1820 г. войска Ермолова выступают в Дагестан.

В своих записках Ермолов по вступлении в должность следующим образом характеризует Владикавказ и его окрестности: «Некоторые из осетин вышли на равнину и заводят селения в окрестностях Владикавказа. Там же, в вершинах реки Сунжи, расположились выселившиеся из гор ингуши, народ воинственный, приведенный в покорность кроткими мерами, употребленными генерал-майором Дельпоццо. На военной дороге от Моздока в Грузию, единственной, которую мы чрез горы Кавказа величайшими поддерживаем трудами, живут тагаурцы, нам хорошо повинующиеся. Многие другие племена горцев мало еще покорствуют или из одного страха. От некоторых содержатся аманаты во Владикавказе».

Ермолов также описывает постоянные заносы на дороге через перевал, с которыми ему приходится столкнуться в первые же годы своего наместничества и тревоживших его на протяжении всего периода. «Сообщение с Кавказскою линиею прервано было надолго. Подобные снежные обвалы бы-

вают всякие семь или восемь лет, требуют величайших трудов для проложения чрез них дороги» [21]. Так, автор в своих дневниках в частности сообщает: «Во Владикавказе задержан я был двадцать дней непрерывными бурями и выпавшим в горах снегом, прервавшим совершенно сообщение с Грузиею» [21].

Владикавказ, в который в 1929 г. приезжает Пушкин – это крепость, которую проконсул сдал своему приемнику уже в другом состоянии. Читая описание Пушкина, мы можем увидеть, что именно изменилось в крепости за десятилетний период командования на Кавказе Ермолова. «Мы достигли Владикавказа, - пишет Пушкин, - прежнего Капкая, преддверия гор. Он окружен осетинскими аулами».

Во-первых, при Ермолове, появится новый отрезок Военно-Грузинской дороги. «Старую дорогу от Моздока во Владикавказ, - пишет Ермолов, - лежащую чрез хребет Кабардинских гор, чрезвычайно неудобную, для движения транспортов затруднительную и подверженную нападению хищников, которые могли укрываться в лесах и, почти не подвергаясь опасности, наносить большой вред, приказал я перенести от Екатеринограда, чрез Урухскую крепость, мимо Татартунского мыса и чрез реку Ардон до Владикавказа; приступить немедленно к устройению мостов и временных укреплений, для расположения в оных конвоев. Дорога сия в сравнении с прежнею представляла величайшие во всех отношениях преимущества (...)»

Строительство новой дороги было завершено в 1826 г. о чем свидетельствует запись в дневнике проконсула: «Во Владикавказ прибыл я по новой от Екатеринограда дороге и сопровождавшему меня путей сообщения полковнику Гозиуму поручил сделать в ней следующие перемены: при урочище Пришиб в 13 верстах от Екатеринограда учредить укрепленный пост. Уничтожить укрепление при речке Аргудан, в которой вода оказалась весьма нездоровою, и перевести пост к реке Уруху, неподалеку от устья оною, чрез которую построить мост. Лежавшую выше по реке Урухскую крепость срыть, отчего немало сократится дорога и будет проходить местами более открытыми».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.